

Леонид Шлангман

Эти дни

Документальная поэма

В основу поэмы положен текст интервью с киевлянкой Анной Коваль.

Пролог

Мне десять лет до войны снилась война,
мне снилось всё, что я видела потом
своими глазами на этой войне.

Мне это снилось где-то раз в три-шесть месяцев
на протяжении десяти лет.

Это были очень страшные сны,
потому что у меня никогда,
в принципе, кошмаров не бывает.

И после каждого такого сна
я просыпалась просто
в ахуе,
в ужасе.

Мне снилось,
что в районах, где я бывала,
я смотрела в небо
и видела, как па
да
ют
са
мо
лё
ты.

Вот, собственно, я
это потом и увидела
своими глазами
в тех же красках.

Аэропорт

Это был аэропорт в Киеве,
я ждала свой рейс в Берлин,
который должен был быть
то ли в 5:20,
то ли в 5:30 утра.

Я прошла уже все контроли,
мне поставили пометку в паспорте,
что я покинула страну.

Но с 3:30 утра я увидела,
что рейсы начинают
ззааддеерржжиивваатттьссяя.

Я открыла Flightradar,
увидела, что небо Украины чистое,
в нём больше нет самолётов.

Для меня стало всё понятно в тот же момент.
Назовём это интуицией,
я уже писала своему партнёру
“ну, пизда”.

А до этого ещё, кстати,
я ж там была с часу ночи,
в аэропорту,
и с часу ночи там
очень много частных джетов летели,
очень много.

Кто мог, сваливал.

Все говорят, типа, война началась
в пять утра,
в шесть.

Не, никуда.

Она началась где-то

в 4:40,

потому что я начала уже слышать

эти взрывы,

и объявили по громкоговорителю,

я не помню точно,

но что-то про паспорта,

что их нужно сдать всем

ожидающим рейса,

чтобы убрали пометку о том,

что покинул страну.

Первые минуты

взрывы,

сирены

уже слышно с улицы.

И люди без паники,

потому что там дети,

и все просто спокойно стояли

и ждали,

пока нам дадут паспорта обратно.

Накануне

Единственные два человека,

кто верил в то,

что будет война,

это были я и отчим,

и мама тогда говорила,

что мы — истерички,

что никакой войны не будет,

что это невозможно.

Я не могу сказать, что мне

кто-то дал карту, как Лукашенко,

и показал,

откуда готовилось нападение.

Просто было внутреннее понимание,
это уже будет.

За две недели я очень резко
начала это чувствовать,
очень сильно.

И я начала маму как можно больше,
ну, заёбывать.

Буквально ей вкладывала в мозг,
что ей нужно уёбывать отсюда
с малой,
потому что малой на тот момент
было семнадцать.

Я не хотела, чтобы она видела войну,
и сама не хотела её видеть.

Это был вечер двадцать третьего.
Мы с отчимом и маму, и сестру
уговорили съездить отдохнуть,
на лыжах покататься.

Ну, а у нас в семье, в принципе,
так заведено было,
что от “хочу”
до “делаю”,
может быть, пара секунд.

Приблизительно в двенадцать часов ночи
они выехали, потому что ночью машин нету.

А я поехала в аэропорт.

Такси

Началась война, я такси вызвала,
оно приехало.

Потом уже с такси
тяжелее стало.

Видимо, я просто успела
нормально.

Понятное дело,

мне повезло чисто.

Я вышла из аэропорта,
и там уже была паника.

Мы взяли ещё людей с собой,
которые ехали в ту же сторону,
куда и я.

Мы выезжали, и люди
подходили к машине
и стучали,
не били в окна,
стучали,
спрашивали,
можно ли тоже сесть.

У нас уже не было места.

Пока мы ехали, я видела,
как над машиной
работала ПВО.

И что меня больше всего
поразило,
когда мы уже выехали,
водитель, который был
мусульманином,
говорит:

— А почему все так бегают?
Что случилось?

Я говорю:

— Война началась.

Он такой:

— Да?

и что-то сказал,
какой-то отрывок молитвы.

И дальше спокойно едет.

Я говорю:

— Вы не переживаете?

Он говорит:

— Ну, будет, как будет.

Чё я переживать буду?

Вот я тогда охуела.

Ну, сейчас я понимаю прекрасно,

почему он так,

я сейчас тоже так могу,

но тогда это для меня

просто был ответ

нереальный какой-то.

Моя улица

Очень поразила улица

в первые дни войны,

в первую неделю.

Выходишь на улицу, где я жила,

выходишь, и она полностью

пустая.

Я жила в селе.

Моя улица была параллельной

центральной.

Там хорошая асфальтированная дорога,

очень ровная,

и частный сектор.

Помню, смотрю,

и машина так просто

“шууууууух!” —

проехала одна,

“шууууууух!” —

вторая.

Люди все пытались,

вот, если ехали,

то как можно быстрее проехать,

боялись, что прилёты какие-то будут.

Собственно, они и были.

Заправка

Была ещё большая проблема
с бензином.

Мне нужно было проехать мимо заправки,
и я не могла это сделать,
потому что там очередь стояла
очень большая.

И я попросила,
вышла из машины.

Показала людям,
что я хочу просто

проехать мимо,

и они все как-то там растолкались.

Там пробка, конечно,
пиздец была,

и я проехала по газону,

не было таких приколов,
да похуй там,
стой себе, блядь.

Люди были человечны.

Брат

Были люди, которые пошли в военкомат
добровольцами.

Мой брат двоюродный пошёл,
потому что он понимал,
что его и так призовут —
он только-только вернулся
из армии.

Вот у него не было никакого желания
играть в войну.

Он просто понимал, что для него
это будет лучше психологически,

если он сам “сдастся”,
а не они придут, и его загребут.

Он был на границе Украины и
Белоруссии.

Год.

И потом он дезертировал,
сейчас в Германии.

У него была очень интересная
история дезертирства,
очень интересные
истории из армии,
которые он рассказывал.

Он дезертировал, потому что он
поссорился с руководством,
и они его, и ещё нескольких человек,
хотели отправить на мясо, в ночь
на передовую.

И когда их отправляли,
он сбежал,
появился через двое суток в Молдове.

Наяву

Я застала обстрелы по касательной,
я видела очень близко,
как сбивали ракеты.
Ну, всё, что летело.

Действительно очень близко.

В первый день войны
падал
самолёт
это очень громко, реактивный,
над моим домом,

не каждый день видишь,

как прям падает

сбитый

горящий

это очень страшно,

самолёт,

над твоей головой.

В первые дни постоянно

что-то

в

па

з р

да

т р я с л о с ь

ы

ло,

в

и когда выходил на улицу,

а л

то было слышно,

о

как работают “катюши”.

с ь

Я до сих пор помню этот “шелест”.

И вот ночью самолёт упал,

опять сбили,

и он упал где-то очень рядом

от того места, где я жила.

И в тот момент, когда он упал,

был сильный толчок земли,

как при землетрясении,

я была в подвале,

там о ч е н ь с и л ь н о в с ё з а т р я с л о с ь ,
з а т р я с л о с ь н а с т о ь к о с и л ь н о ,

что люди, которые стояли

в тот момент,

они упали.

Интермиссия

Я сейчас вспоминаю,

как мне бабушка рассказывала,

как они во время Второй мировой

шли с Луганска, Донецка

пешком в Киев,

и рассказывала, что они видели.

Война была, и они были босые,
я просто сейчас вспомнила,
как я сижу, слушаю эту историю
и сейчас понимаю,
что я рассказываю свой опыт войны.

Ебануться просто.

Бабушки

У меня две бабушки.

Одна, 1946 года рождения,
это — мамина мама,

и вторая, тридцать шестого,
это — отчима мама.

И они обе остались в Украине.

она не поехала, потому что,
ну, во-первых, она не хочет,
типа, ей много слишком лет,
чтобы вливаться в новую
культуру.

По-моему, она никогда
не была за границей.
Она и летать боялась
на самолётах,
и вот это вот всё про
путешествия,
это не про неё было.

Во-вторых, где она будет жить
и с кем?

Бабушка немножечко такая,
специфичная.

Их, когда началась война,
вывезли в другую область.
По-моему, Закарпатскую.
Это от Киева ехать где-то
часов десять-одиннадцать
с хорошей дорогой.

Учитывая, что была зима,
война и блокпосты,
то ехали они два дня.

И обе бабушки
очень устали,

им это давалось
очень тяжело,
но это была необходимость,
потому что у нас тогда
половину области оккупировали,
и не хотели ждать,
чтобы ещё из оккупации
бабушек доставать.

У бабушки не было
переноски для кошки,
потому что она с ней
никогда никуда не ездила.

Очень много раз её рвало в дороге
потому что она уже, наверное,
лет двадцать не ездила так долго
в машине.

кошку засунули в мешок,
потому что съёбывались быстро.
И на каждом блокпосте
бабушка показывала военным

Хотя они со своим мужем
объездили всю Украину.
Старенькая, плюс стресс.

кошку в мешке.

Ну, потом их через,
кажется, два месяца,
вернули.

Мама говорила,
что она,
когда первый раз приехала,
через год или полгода,
как началась война,
обе бабушки были
очень худые,
иссохшие.

Чисто на нервах.

Бабушки говорят, что они уже своё отжили.
Бабушки, по-моему, так всегда говорят.

Но они переживают очень сильно,
когда обстрелы.

Иногда пугаются.

Иногда им звонят их дети,

то есть мама и отчим,
успокаивают,

иногда я звоню.

Я говорю, что всё будет хорошо,

не бойтесь.

Но я ж не знаю, как всё будет.

Я уже привыкла к тому, что, наверное,

может быть что угодно.

Близко

Я знаю достаточно много людей

из Ирпеня,

из Бучи,

потому что это близко к тому месту,

где я жила,

можно было встать на гору

и увидеть Ирпень.

Но к нам не дошли.

Мой брат, пока ещё не дезертировал,

заходил в Бучу в первых отрядах.

И он говорил,

что когда они туда зашли,

то ещё не подозревали,

что они там увидят.

Вот они увидели там детей.

Пяти-шести лет,

маленьких,

со связанными назад руками и

простреленными головами,

как казнь.

Это был единственный раз, когда командиры,

которые отдали приказ брать в плен

Мой первый язык был
русский.
До пяти лет я не понимала
украинский,
в селе у нас разговаривали
суржиком,
и у меня не было проблем с общением
ни с кем.

Я, например, с партнёром
разговариваю на русском,
хоть он — украинец,
потому что я так привыкла.

Но в то же время я сильно улучшила
свой украинский язык
за то время, пока идет война,
потому что раньше
мой украинский язык,
он был в разговорной речи
больше, как суржик.

И я смогла за вот это вот время
перевести свой пассивный
украинский словарный запас
в активный
и сделать себе нормальный
разговорный украинский язык.

П А Н И К А
была на выезд,
но стоит тебе попасть
в середину этой паники,
где ты думаешь, что это —

П А Н И К А,
на самом деле оказывается,
что это не так, что

там все спокойно,
там нет паники.

Село уже заблокировали,
и нельзя было выехать неделю.

Мы, когда выезжали,
когда появилась возможность выехать,
когда стали выпускать,
регулярно проходили блокпосты,
где у нас просили паспорта,
лицо показать,

и один раз
меня попросили расстегнуть пуховик
(это ещё было в Киевской области),
потому что боялись ДРГ.

А у меня был чёрный,

д д такой
л л
и и
н н пуховик
н н
ы ы
й й в пол

И он такой был большой,

и они меня попросили выйти
и показать,
что это — просто одежда.
Я рас стегнула,
и они такие:
“Ну, всё”, типа, “сорян”.
Вот.

Отъезд

Я выехала с двумя рюкзаками.

трусы	носки	пара футболок	мой ноут
планшет	зарядки	документы	деньги

Я долго не могла найти свой паспорт.

Не было такого.

Кстати, эта доктор
как раз была одной из тех,
кто, несмотря на самые лютые
обстрелы,
всегда приезжала на работу,
потому что она [ощущает] себя
частичкой
вот этого единого целого,
которое если будет дальше
функционировать,
то Украина будет жить.

А если не будет,
то нахуй это всё нам.

В дороге

Мимо нас просто летят ракеты,
над машиной,
может, метров десять,
прилетают в Фастов,
и мы просто сидим и понимаем,
— свист только что пролетевшей ракеты —
что или
все будет нормально,
или
все будет не нормально,
других вариантов нет,
можешь просто сидеть в машине
и надеяться,
что в тебя не прилетит.

Очень удивили мешки.

Мешки с песком,
которые разложили как
противотанковые.
Ещё ежи лежали на дорогах.

Едешь по месту, где ты всегда
ездил на машине спокойно,
и тут видишь, что там уже,
как бы, война.

Обледенелый асфальт,
почти нет снега,
потому что ветер всё выдул.
И на этом асфальте
абсолютно нет никаких машин,
там бро ные ежи
раз сан эти
и стоят люди с оружием
и проверяют документы.

Эпилог

До пяти лет своих я жила в Киеве.
Тот район, который как раз
ближе к селу,
откуда, собственно, родом
моя мама.

По факту, село, если в него приехать,
то это как будто небольшой
негласный район Киева:
несколько сетей супермаркетов,
торговые центры.
Оно, конечно, не всегда таким было.

Когда я туда переехала,
лет до двенадцати где-то
у нас была грунтовая дорога ещё,
потом только асфальт уже сделали.

Это очень милое село, на самом деле.
Такое тёплое село на берегу
Киевского водохранилища.

Я поняла, что мне сейчас нравится
жизнь в Брно,
потому что Брно напоминает мне
большое село.
Ну, Брно мне не напоминает
Новые Петровцы,
нет, но здесь больше возможностей
попасть на природу.
Я живу в месте, где выходишь,
и, с одной стороны —
большой ботанический сад,
с другой —
склоны и заросли каких-то кустов.
И это все тянется
на километры вокруг.
Это моя стихия — земля.